

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

58
XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1951 Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибиков, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

Д. А. АВДУСИН

РАСКОПКИ В ГНЕЗДОВЕ

Величайшая в мире гнездовская курганная группа уже давно привлекала внимание археологов. Впервые раскопки ее были поставлены в 1874 г. Кусцинским, затем там работали Сизов, Сергеев, Абрамов и другие исследователи в течение не менее 20 сезонов, причем было раскопано свыше 650 курганов. Последние крупные раскопки Гнездова (производившиеся Абрамовым) происходили более 40 лет назад, когда методика археологических исследований стояла еще на недостаточно высоком уровне. Почти все курганы копались колодцем или, в лучшем случае, траншеей. При такой методике, естественно, трудно было уяснить черты погребального обряда, разницу или сходство между насыпями, расположенными в различных местах группы, и т. д. Кроме того, очень мало внимания обращалось на хранение коллекций в надлежащем порядке, что в конце концов привело к невозможности выделить большую часть гнездовских погребальных комплексов и установить точную дату функционирования этого кладбища. Таким образом, новые раскопки в Гнездове были вызваны следующими причинами:

1. Необходимо было проконтролировать результаты старых раскопок на основе новой археологической методики. В том числе нужно было: а) уточнить обряд погребения в Гнездове вообще и в частности в лесной группе курганов, отличающейся, по словам Сизова, в этом отношении от центральной; б) уточнить хронологию Гнездова.

2. Необходимо было обратить особое внимание на лесную группу курганов в плане исследования ее связи с центральным Гнездовским городищем, так как оба памятника расположены на одном берегу ручья Свинца.

3. Требовалось также срочно обследовать несколько крупных курганов и поставить на них охранные раскопки.

Эти цели и имелись в виду, когда в июле 1949 г. объединенная экспедиция Московского Государственного университета и Смоленского областного краеведческого музея возобновила раскопки в Гнездове¹. В 1949 г. раскопки велись недалеко от центрального Гнездовского городища, по левую сторону ручья Свинца, на опушке леса и в лесу. Курганы здесь стоят чрезвычайно густо, так что иногда пола одного кургана находит на полу соседнего. В 1949 г. было раскопано 42 кургана высотой от 45 до 200 см.

Все курганы копались на снос, причем для зачерчивания профиля оставлялись обычно две, а иногда четыре бровки, которые потом сносились. Для измерения глубин и высот пользовались нивелиром. Современная раскопочная методика и техника позволили сделать ряд наблюдений,

¹ В экспедиции участвовали: аспирант исторического факультета МГУ Кызласов Л. Р., научные сотрудники Смоленского краеведческого научно-исследовательского института и Смоленского областного музея и студенты МГУ.

касающихся погребального обряда, которые не могли быть сделаны при раскопках курганов колодцем или траншеей.

Нам удалось доказать, что сожжения покойников производились не на подсыпке, как полагали предшествующие исследователи Гнездова¹, а на материке. Это заблуждение произошло потому, что без нивелира в Гнездове иногда трудно определить глубину и даже наличие ровика у кургана, а ровики эти глубоки. Высота кургана ранее измерялась из ровика, а глубина залегания кострища — от вершины кургана. Получавшаяся разница и падала на мнимую подсыпку. Благодаря вскрытию всей поверхности кострищ удалось установить, что в большинстве курганов сожжение произведено на месте сооружения насыпи, а не вне ее. Это наблюдение подтверждается наличием в центрах многих курганов угольной «подушки» (т. е. кучки углей в центре кургана), в то время как кострище простирается по всей вскрытой поверхности. Этот угольный слой, как правильно отметил Сизов, почти всегда подстилается белым оподзоленным песком. Сизов полагал, что этим песком специально посыпали площадку, предназначенную для сооружения костра², но оказалось, что этот песок не что иное, как сильно оподзоленный кострищем погребенный дерн. В тех случаях, когда в центре кострища наблюдалась угольная «подушка», этот белый слой находился только под ней, а в отдельных местах уничтожен при сгребании угля.

В одном из курганов были обнаружены под зольным слоем пять рвов, окружавшие центральную часть кострища, — любопытная деталь, оставшаяся не замеченной при раскопках курганов колодцем. Видимо, эти рвы образовались при выравнивании окружающей поверхности под кострище.

Исследование курганов, произведенное раскопками на снос, позволило установить, что некоторые сосуды стояли в полах курганов и не могли быть обнаружены при раскопках колодцем. Видимо, в раскопанных ранее курганах часть сосудов осталась в насыпи. Стало возможным установить, что помимо целых горшков в курганах часто встречаются сосуды, умышленно разбитые. Этот обряд отмечался ранее и Сизовым, но не в столь широких масштабах³. Кроме того, битые черепки археологи конца прошлого и начала этого века часто не считали за вещь и выбрасывали. В полах кургана часто встречаются кости лошади, ранее обнаруживавшиеся редко. Новые раскопки установили также, что костер часто складывали из тонких жердей и хвороста — уголь всегда очень мелкий, и остатки толстых бревен встречены в единичных случаях. Наконец, отмечен случай, когда на кургане первоначально стоял памятник в виде столба, подобного столбу на Черной могиле.

Таковы новые данные о погребальном обряде в Гнездове, полученные в результате раскопок 1949 г.

Подтвердились наблюдения Сизова о наличии в Гнездове курганов без погребений (пустых), причем совпало с нашими не только описание их устройства, но даже выявленное Сизовым их соотношение с общим числом раскопанных курганов — около 25%⁴.

Из 30 курганов, содержавших погребения, в 11 оказались погребения мужчин, в 7 — совместные захоронения, в 6 — женские. Остальные 6 неопределимы. Наиболее богатыми были погребения совместные, где главными оказались погребения мужчин. Богатые мужские погребения обязательно сопровождалась женскими. Курганы, содержавшие только погребения

¹ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 7.

² Там же, стр. 7.

³ Сизов. Указ. соч., стр. 18.

⁴ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 32. примечание; А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, 15. СПб., 1905, стр. 9.

мужчин, богатых захоронений не дали вовсе, — в них похоронены мужчины, принадлежавшие к среднему и низшему социальным слоям. Женские погребения содержали захоронения не только представительниц этих двух социальных слоев, но и высшего слоя.

Раскопки 1949 г. дали много интересных и важных находок. Прежде всего, необходимо отметить предметы вооружения, среди которых выделяются два меча превосходной работы. Их рукояти отделаны серебром. Оба меча были сломаны еще до того, как попали в огонь. Один из них относится по классификации Петерсена к типу «Е» (рис. 33), другой —

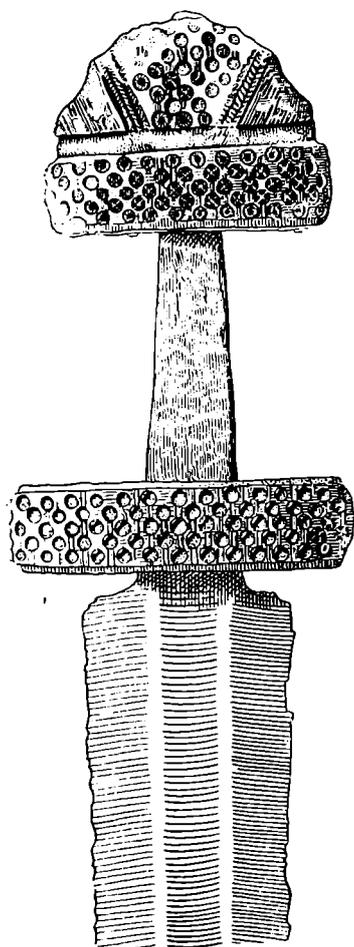

Рис. 33. Гнездово. Меч из кургана № 13

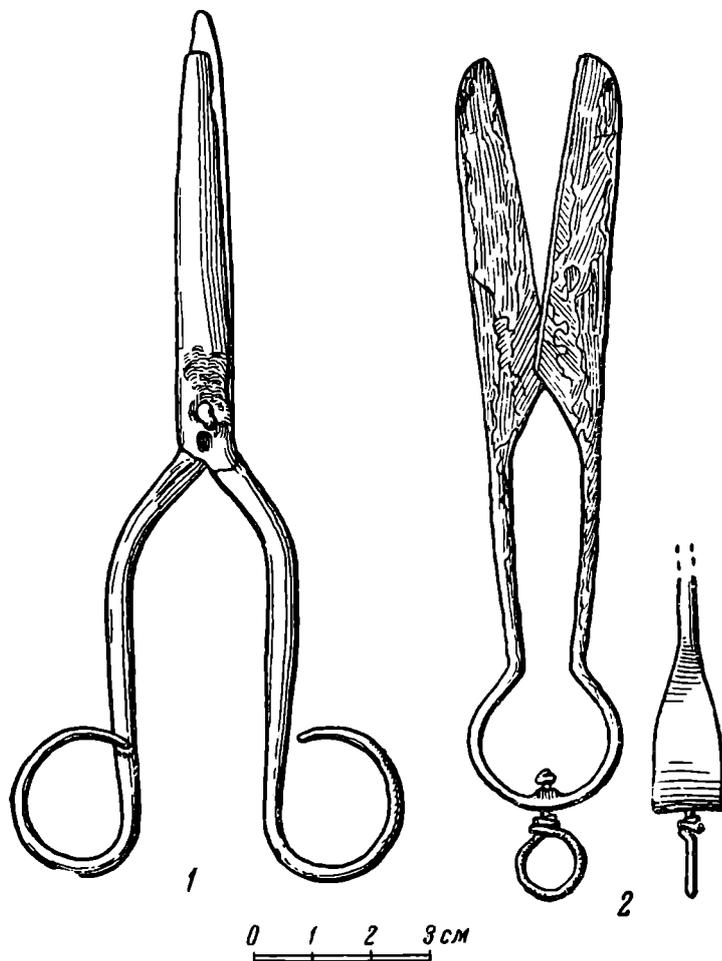

Рис. 34. Ножницы из гнездовских курганов

к типу «Н», оба датируются IX в.¹ От прежних гнездовских раскопок сохранились только три меча с рукоятями.

Из десяти наконечников стрел семь имеют господствующую на Руси ромбовидную форму, одна стрела вильчатая, какие довольно часто находят в древнерусских курганах, и только две стрелы имеют ланцетовидную форму. Пять ромбических и вильчатая стрелы найдены в одном кургане, причем весьма любопытно, что все стрелы были обращены остриями к одному центру, что могло получиться лишь в том случае, если они упали на кострище вместе с обгоревшим колчаном, который немедленно развалился, а стрелы рассыпались веером. Значит, стрелы носили наконечником вниз, а колчан — с правой стороны. В этом же кургане найдено массивное че-

¹ J. Petersen. De norske vikingesverd. Kristiania, 1919, табл. I, рис. 1 (тип «Е»), рис. 79 и 82, стр. 100, примечание (тип «Н»).

решковое ромбовидное копьё, несомненно метательное. Это первая находка подобного копья в Гнездове. Здесь же было найдено совершенно пережавевшее втульчатое копьё, видимо, листовидной, обычной в Гнездове, формы. Ножи, найденные в некоторых курганах, следует, повидимому, также считать оружием, исходя из их особой технологии и формы рукояти одного такого ножа, найденного и изданного Сизовым.

Прямо под дерном в одном из курганов найдена несомненно древняя, круглая, плоская, грубо обтесанная плита песчаника, являющаяся заготовкой жернова. Ручные жернова — частая находка на городских и сельских поселениях древней Руси. В Гнездове жернов встречен впервые. Аналогичные находки жерновов в курганах известны лишь в раскопках Антоновича на Киевщине¹.

Также впервые найден серп. Он довольно сильно загнут и имеет черенок для рукояти. Размеры серпа очень невелики и заставляют предполагать, что он не является орудием взрослого человека. Это либо орудие ребенка, либо его игрушка. В одном кургане с серпом были шарнирные ножницы (рис. 34—1). В Гнездове один раз такие ножницы были найдены в насыпи кургана и изданы Сизовым. Нахождение их в насыпи поставило под сомнение их дату. Ножницы из раскопок 1949 г. найдены на кострище и неоспоримо доказывают бытование ножниц этого типа в Гнездове уже в X в. В Египте еще в XI в. они вызывали удивление Насир-и-Хусрау. Он пишет: «Я видел ножницы, привезенные оттуда (из Тинниса, окраины Египта.— Д. А.), за которые спрашивали пять магрибинских динаров. Они были устроены так, что когда вынимали гвоздь, их можно было разнять, а когда его снова вкладывали, они резали»². Гнездовские ножницы сделаны из двух железных прутьев, причем их кольца не замкнуты, как у найденных в 1949 г. во Вщиже и в Монголии; гнездовские на 200 лет старше. Вторые ножницы, найденные в Гнездове в 1949 г., — древнего пружинного типа с колечком для подвешивания (рис. 34—2). Такие ножницы встречены в Гнездове неоднократно.

В кургане вместе с шарнирными ножницами найдена стальная швейная игла обычного для Гнездова типа — с круглым ушком. Пряслица представлены одной находкой. Найденный экземпляр сделан из серого шифера; подобные также неоднократно встречены в Гнездове. Бруски для точки ножей и других острых вещей имеют довольно стандартную форму; это — палочки серого сланца или песчаника, четырехугольные в сечении. Один раз встречены складные весы, которые представлены лишь обломком коромысла. Гирьки к подобным весам встречены много раз, причем найдены и бочковидные и многогранные. Второй раз за все время раскопок в Гнездове найден замок пирамидальной формы. Замок найден без дужки и без ключа. В другом кургане найден маленький ключик в форме лопаточки.

Украшений мужских и женских найдено довольно много. Среди них необходимо отметить массивные украшения из золота, впервые найденные в гнездовских курганах. Одно из них — бляшка — имеет форму, известную ранее по бляшкам курганов Гнездова, владимирских и ряда других мест. Это кружок диаметром около 2 см, в центре его выпуклость, от которой расходятся орнаментальные кружки, образующие фигуру, подобную Сегнерову колесу. Необычен материал и способ ношения бляшки, так как аналогичные ей бляшки употреблялись, как привески, и имели ушко, а данная бляшка имеет прикрепленную сзади золотую же скобку, которая надевалась на ремень. Удивляет материал скобки: при ношении на ремне скобка не могла быть видна, следовательно, не имело смысла делать ее из золота.

¹ Б. А. Рыбаков. Жернова Вщижского городища. КСИИМК, вып. XI, стр. 19.

² Насир-и-Хусрау. Сафар-Намэ. Книга путешествия. 1933, стр. 97.

Вторая бляшка гораздо крупнее, диаметром до 4 см, на ней сканью изображено какое-то свернувшееся в кольцо животное, может быть, дракон с птичьей головой, так как можно рассмотреть клюв и трехперый хохолок. На ободке волнистый орнамент. Выполнена она в очень хорошей технике. Данная бляшка является важной находкой и перекликается с золотыми украшениями, найденными на Гнездовском городище. Носилась она, видимо, на ушке, но ушко не сохранилось.

Весьма интересна также серебряная накладка, имеющая форму ряда пальметок, орнаментированных кружками (рис. 35-а). Б. А. Рыбаков не без основания полагает, что подобные накладки представляют собой оковки турьих рогов¹.

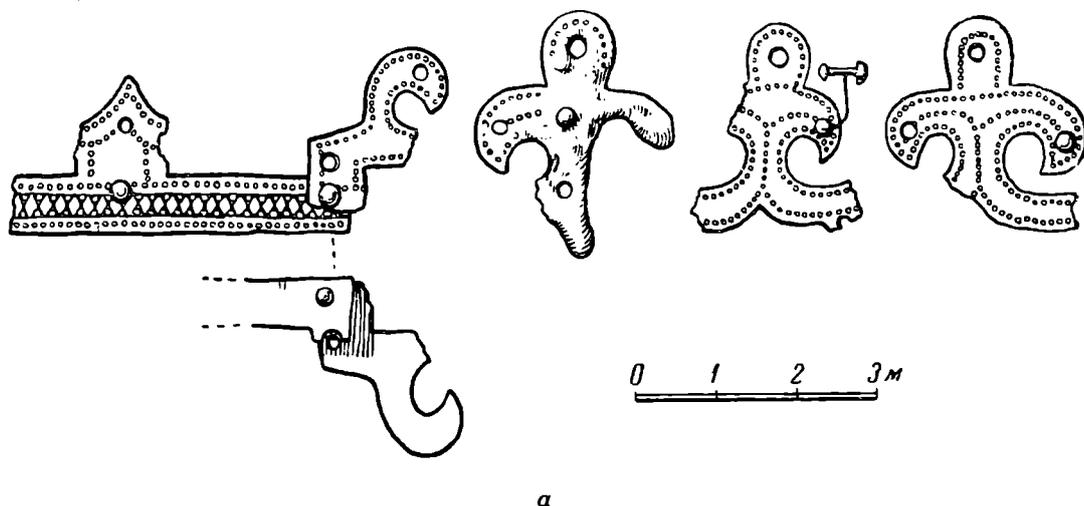
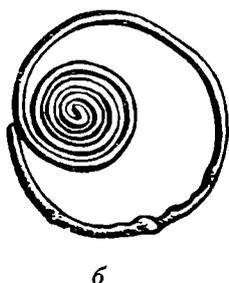

Рис. 35. Находки из гнездовских курганов
а — оковка турьего рога; б — височное кольцо из кургана № 13

Впервые в Гнездове найдена вещь чрезвычайной важности — спиральное славянское височное кольцо (рис. 35-б). Височные кольца из прежних раскопок в Гнездове неизвестны. Это кольцо сохранилось, видимо, лишь ввиду чрезвычайных обстоятельств находки, о которых будет сказано ниже. Найдены также бусы, плетеные из серебряной нити. Точно такие напускные бусы известны на славянских височных кольцах. Эта находка также чрезвычайно важна. Найдена серебряная сканная бусина; аналогичная ей есть в гнездовском кладе.

Только в богатых погребениях найдены хрустальные и сердоликовые бусы различных форм, преимущественно восьмигранные призматические и четырнадцатигранные. Один раз найдена бусина янтарная, похожая на костяшку от счетов. Часты бусы стеклянные. Неоднократно найдены обломки костяных гребней. Один раз, и впервые в Гнездове, найден обломок медного плоско-выпуклого тупоконечного браслета.

Весьма интересна находка маленького кувшинчика, сделанного на круге. Этот кувшинчик имел туалетное назначение.

Несколько раз встречены железные гривны гнездовского типа, привески, цепочки, различные фибулы, пряжки, пуговицы, шипы, два раза найдены игральные шашки, один раз кость с отметкой очков. Значительная часть

¹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА СССР, № 11, 1949, стр. 46.

гнездовских сосудов, как оказалось, сделаны от руки. Подсчет производить еще рано — не все сосуды склеены, но, видимо, перевес количества сосудов, сделанных на круге, не очень велик.

Один из курганов, раскопанных в 1949 г., ввиду особого характера найденного в нем инвентаря нуждается в особом описании. Это курган № 13. Он имел несколько плосковатую вершину. Все исследователи Гнездова отмечают, что именно в таких курганах найдены наиболее богатые погребения. Высота кургана 1,6 м, диаметр в среднем 15 м, окружность основания 47,5 м. Кострище лежало на материке и представляло собой скопление мелкого жирного угля. Оно имело неправильную форму, его поперечник — до 7,5, толщина — до 20 см.

В слое угля в юго-восточном секторе кострища стоял большой лепной асимметричный сосуд высотой 0,25 м. В сосуде были жженные кости, уголь, зола и вещи, среди которых спинки и зубья костяного гребня, бусы хрустальные, сердоликовые и стеклянные, обрывки бронзовой цепочки, описанное выше височное кольцо, бронзовый ключик и маленький кувшинчик. В сосуде были также необожженные кости птицы.

Восточнее сосуда была найдена воткнутая в кострище верхняя часть так называемого каролингского меча типа «Е», рукоять которого украшена серебром. Рядом лежала нижняя часть клинка. В северной части кургана, в зоне распространения угольного слоя, под ним в песке находился пустой лепной сосуд с зигзагообразным орнаментом, но по форме близкий к славянским горшкам, сделанным на круге. Рядом с ним лежали вещи, сплавившиеся вместе, среди которых можно различить пряжку, гирьку с отпечатком ткани и обломок орнаментированного коромысла складных весов. Рядом с весами лежала янтарная бусина. На середине расстояния между упомянутыми сосудами найден третий разбитый лепной сосуд, среди черепков которого были жженные кости.

Кроме того, в кострище найдено много обломков гребня, упомянутые выше плетеные бусы от височного кольца, несколько шипов и обломков мусата, сплавы серебра и, может быть, золота, а также пять диргемов.

К востоку от центра кургана находилось скопление заклепок (61) различной длины. Их расположение дает основание предполагать захоронение в ладье. Это второй случай захоронения в ладье, встреченный в Гнездове. По всему кострищу были разбросаны черепки по крайней мере двух разбитых сосудов.

Один из них был сделан на гончарном круге, и на одном его черепке была процарапана надпись. Сосуд был склеен, нашлось и продолжение надписи. Сосуд имеет амфоровидную форму с узким горлом, двумя ручками и круглым дном (рис. 36-а). Сделан он на круге ленточным способом, ленты хорошо видны. Тесто без крупных включений, обжиг ровный, хороший. Такие сосуды в древней Руси назывались корчагами. Они известны как по раскопкам, так и по изображениям на миниатюрах. Подобный сосуд XI—XII вв. имел надпись, сделанную киевским гончаром¹. По обожженному сосуду сверху вниз процарапано слово «гороухща» (рис. 36-б). Палеографический и смысловой анализ надписи произведен членом-корр. АН СССР М. Н. Тихомировым². Анализ букв полностью подтверждает дату надписи. Слово «гороухща» означает «горчица», что вполне согласуется со значением пряностей в древней Руси.

Под кострищем в материке обнаружена яма диаметром до 125 см и глубиной до 60 см. Яма была заполнена серым, оподзоленным песком с примесью угля и золы. В насыпи удалось выявить ясные следы столба —

¹ Б. А. Рыбаков. Надпись киевского гончара XI в. КСИИМК, вып. XII, М., 1946.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестн. Акад. Наук СССР», 1950, № 4.

CM

a

b

Рис. 36. Гнездово. Сосуд с надписью из кургана № 13
a — сосуд; б — надпись на сосуде

памятника, подобного стоявшему на Черной могиле и аналогичного описанному Ибн-Фадланом.

Перехожу к хронологии. Необходимо отметить, что материал 1949 г. еще раз подтверждает, что гнездовская курганная группа была насыпана в короткое время — от конца IX до начала XI в. Данные раскопок 1949 г. дали возможность определенно говорить о существовании курганной группы в IX в., что раньше предполагалось по отдельным вещам, но не было видно ни по одному комплексу. Примером такого погребения, относящегося к концу IX в., может быть четырехугольный курган, описанный А. Н. Лявданским¹ и раскопанный нами. Это курган № 38, имевший под кострищем ровики, упоминавшиеся мною выше. В нем найдены хрустальные и сердоликовые бусы. Один тип сердоликовых и хрустальных бус (четыре-надцатигранных) весьма распространен в IX в., что подтверждается нахождением их в киевских погребениях с монетами IX в.² Ни одной призматической бусины, которые, по моему мнению, являются более поздними, в кургане № 38 не найдено. Зато найдена любопытная восьмигранная призматическая с пирамидальными концами хрустальная бусина очень крупных размеров, какие чрезвычайно редко встречаются, а если и встречаются, то именно в ранних погребениях. Чтобы проверить дату, обратимся к двум монетам, найденным в этом кургане (определение монет произведено научным сотрудником ГИМ С. А. Диомидовой). Одна из монет стерлась настолько, что по ней можно определить только династию, при которой она отчеканена, — Аббасиды; она может относиться ко времени от начала IX до начала X в., т. е. ее дата весь IX в. Вторая монета, также аббасидская, происходит из Армении и относится к 228 г. хиджры, т. е. к 842—843 гг. н. э. Таким образом, эти монеты подтверждают бытование указанного вида бус в IX в. и датируют рассматриваемый курган концом IX в. Остальные находки из этого комплекса для дат не характерны.

Все прочие раскопанные курганы относятся в основном к X в., как к началу, так и к концу его, что подтверждается не только некоторыми вещами, характерными для этого времени, но и монетами. Особо следует остановиться на датировке кургана № 13, где найден сосуд с надписью. Как я указывал, там же найден меч, который датируется IX в. Это уже дает приблизительную дату. Точную дату дают арабские диргемы. Лишь один из них неопределим. Вторым диргем, единственный в кургане диргем с ушком, дает нам только династию. Он, как и все остальные, чеканен при Аббасидах. Приблизительная дата третьего диргема — вторая половина VIII — начало IX в. Четвертый диргем чеканен в 234 г. хиджры (848—849 гг. н. э.), пятый, происходящий из Мединет-ас-Селяма (Багдад), чеканен в 295 г. хиджры, т. е. в 907—908 гг. н. э. Если для третьего диргема за дату чеканки принять даже наиболее позднюю — начало IX в., то по сравнению с последней монетой получается, что он бытовал не менее 100 лет — срок для монеты очень большой. Поэтому можно утверждать, что между временем чеканки самого позднего диргема и временем захоронения был очень небольшой перерыв. Следовательно, дата курганного комплекса весьма близка к дате чеканки этого диргема — первой четверти X в. Остальные вещи этой дате не противоречат. Таким образом, наша надпись тоже относится к первой четверти X в. и является древнейшей русской надписью.

Гнездовские раскопки 1949 г. позволяют сделать ряд важных выводов.

Находка русской надписи начала X в. имеет чрезвычайно важное значение. Ни одна из известных русских надписей не восходит к X в., почему

¹ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. «Труды Смоленских государственных музеев», вып. I. Смоленск, 1924, стр. 134.

² Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА СССР, № 11, М., 1949.

начало русской письменности относили только к XI в. Теперь мы знаем, что русская письменность существовала по крайней мере на столетие раньше — в первой четверти X в. Гнездовская надпись является одним из звеньев в цепи представленных советскими учеными непреложных доказательств того, насколько глубоко корни русской культуры.

Результаты раскопок в Гнездове наносят еще один жестокий удар пресловутой норманской теории. находка в кургане русской надписи говорит и о том, что погребенный в нем человек не был скандинавом. А весь обряд погребения в этом кургане подходит к тем чертам обряда, которые, по словам норманистов, якобы, являются скандинавскими. Здесь есть и сломанный меч, и сожжение в ладье, и железная гривна¹. Но здесь же, кроме надписи, найдено славянское височное кольцо и бусы от подобных же славянских украшений. Отсюда вытекает, что обряд захоронения в ладье не был обрядом, типичным только для скандинавов. В кургане № 13 найдены и кости птицы, и памятник на вершине кургана, что совпадает с обрядом похорон руса, описанным Ибн-Фадланом. Обряд порчи мечей и битья посуды, как я имел случай отметить раньше², также не является норманским, чему теперь получено еще одно веское подтверждение. В 1949 г. в Гнездове, как и при прежних раскопках, не встречались топоры скандинавского типа — характерное оружие варягов. Наоборот, среди богатых погребений выделяются погребения воинов с чисто русскими типами стрел и копий. Нет в богатых курганах и орудий труда, непременно и в изобилии имеющих в богатых погребениях Скандинавии. Нет в курганах и типичных скандинавских вещей, за исключением обломков единственной фибулы, но остальной инвентарь кургана, где найдена фибула, отнюдь не норманский, так же как и инвентарь других курганов. Таким образом, Гнездово никогда не являлось скандинавской колонией, а варяги никогда не были создателями русской культуры, русской государственности.

Гнездовский материал 1949 г. позволяет сделать и ряд других выводов. Он лишний раз убеждает в том, что дружинники, погребенные в Гнездове, резко делились на несколько социальных групп. Первую группу составляет верхушка дружины, военные вожди пока еще племенной дружины, погребенные обязательно с убитыми рабынями. Это наиболее богатые погребения. Вторую группу составляют погребения дружинников, иногда снабженные предметами вооружения, поясными наборами, гирьками от весов (а может быть, и самими весами) и другими атрибутами воина-купца. Это погребения рядовых дружинников, составлявших основную массу дружины. Курганы, почти не содержавшие вещей, заключали погребения мужчин третьей, беднейшей социальной группы. Это «вой», ополченцы, которые, по предположению академика Б. Д. Грекова, набирались не только из горожан, но и из свободных общинников. Этим попутно объясняются громадные размеры гнездовской курганной группы, так как Гнездово тогда следует рассматривать как почетное кладбище, где похоронены не только смоляне, в том числе и беднейшие, но и ополченцы ближайших и дальних деревень. Социальная дифференциация коснулась, конечно, не только мужчин, о ней говорят и женские погребения. Об имущественной дифференциации, может быть, свидетельствует и наличие в некоторых курганах только зубов лошади, а в других курганах — конских черепов, как бы символизирующих целую тушу, но это еще следует проверить.

Раскопки 1949 г. позволяют уточнить и характер вооружения и снаряжения русского дружинника. Впервые в Гнездове открыто короткое метательное копье, найдено также копье ударного действия. Кажется, что

¹ Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 255; Т. Агге. La Suède et l'Orient. Upsala, 1914.

² Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. XXX, М., 1949.

несомненное боевое значение имели и ножи, которыми могли быть вооружены и дружинники и ополченцы. Боевое назначение гнездовских ножей подтверждает и их технологический анализ, произведенный Б. А. Колчиным. Несомненно, что кривичская дружина включала в себя значительный конный отряд, на что указывают десять курганов (из тридцати раскопанных) с остатками конских костей.

Впервые удалось археологически подтвердить мнение, что жители древнего Смоленска занимались сельским хозяйством, о чем говорит находка серпа, пусть даже детского. Подсобное сельское хозяйство обычно для средневековых городов Западной Европы и Руси.

Связь лесной группы курганов с центральным городищем несомненна. О ней говорят находки на городище и в курганах однотипных бляшек, может быть, сделанных одним мастером. Найденные в курганах золотые бляхи свидетельствуют о значительном развитии ремесла, о высоком мастерстве, которое требовалось для обращения с дорогим материалом. Об этом же говорит художественность изображения на бляхе; последняя, между прочим, могла играть такую же роль, какую играли бармы, т. е. быть знаком достоинства.

Необходимо отметить, что лесная группа курганов имеет тот же характер, что и центральная, как по социальному и этническому составу погребенных, так и по обрядам. Удалось установить, что самым ранним курганом (IX в.) является четырехугольный плоский курган, что заставляет в будущем обратить особое внимание на эти малоисследованные четырехугольные курганы, небольшое число которых еще имеется в Гнездове. Стоит отметить, что самый большой из раскопанных нами курганов — курган № 33, имевший в высоту 2,0 м, в диаметре 25 м и по окружности 86 м, содержал рядовое, обычное для Гнездова погребение, в то время как маленькие курганы часто содержали погребения очень интересные. Значит, не нужно думать, что в Гнездове интересны лишь большие курганы.

Раскопки позволили установить, что преобладание в Гнездове керамики, сделанной на гончарном круге, еще не очень велико, а процент горшков лепных еще весьма значителен, что объясняется отнюдь не пережитками в обряде погребения.
